

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ, 1867.

ПРОДАЕТСЯ У КОММИССИОНЕРОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ:

А. Базунова, въ С. П. Б.

Н. Глазунова, въ С. П. Б.

Я. А. Неакова, въ С. П. Б.

Эггерса и Комп., въ С. П. Б.

Шиндорова, въ С. П. Б.

Н. Киммеля, въ Ригѣ.

Знобджинца и Комп., въ Тнолскѣ.

L Soc 3983.17

~~Star 203~~

JAN 23 1884

Wayland fund.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санкт-петербургъ, 21 іюля 1867 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ К. Веселовскій.

4040
54-5
22

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(В. О., 9 ЛИН., № 12.)

ОГЛАВЛЕНІЕ ОДИНАДЦАТАГО ТОМА.

	Стран.
Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по Физико-Математическому и Историко-Филологическому Отдѣленіямъ, за 1866 годъ. Составленъ Непремѣннымъ Секретаремъ, Академикомъ К. С. Веселовскимъ.....	1— 43
Отчетъ по Отдѣленію Русскаго Языка и Словесности за 1866 годъ. Читанъ Ординарнымъ Академикомъ А. В. Нивитенко.....	52— 66
Извѣненіе изъ протоколовъ засѣданій Академіи въ февралѣ и мартѣ 1867 г.:	
Общее Собраніе.....	67— 72, 203—211
Физико-Математическое Отдѣленіе.	72— 83, 211—221
Отдѣленіе Русскаго Языка и Словесности.....	83— 87, 221—228
Историко-Филологическое Отдѣленіе.....	87— 91, 228—234
Извѣстіе о молодыхъ людяхъ, посланныхъ Борисомъ Годуновымъ для обученія наукамъ въ Англію въ 1602 году.	
Акад. П. Пекарскаго.....	91— 96
Англійскіе очерки русской литературы. Статья Акад. И. И. Срезневскаго.....	
	234—239
Аналитическое рѣшеніе задачи: по данному вѣсу шара, наполненнаго водородомъ, и по даннымъ длинѣ и вѣсу шнура, къ которому привязанъ шаръ, опредѣлить высоту шара въ воздухѣ и скорость вѣтра, съ помощію измѣренія одного угла и двухъ уравновѣшеній въ нижнемъ концѣ шнура. Статья Члена-Корреспондента А. Θ. Полова.	
	97—111
Замѣтка объ интегрированіи рациональныхъ дробей. Академикъ Д. М. Перевощикова.....	
	112—121
Замѣчанія о вычисленіи земнаго преломленія. Академикъ А. Н. Савича.....	
	122—135

	Стран.
Браткое извѣстіе о поѣздѣ магистра Ф. Шмидта на Сѣверъ Сибири для изслѣдованія найденнаго тамъ мамонта.	136—146
Первое присужденіе преміи Тайнаго Совѣтника Бэра.	147—192
О Траекторіяхъ частичекъ при перемѣщеніи жидкой массы А. Попова, Члена-Корреспондента Академіи.	193—199
О древностяхъ, найденныхъ на островѣ Оирасія. Извлеченіе изъ двухъ писемъ доктора Чигалла	200—202

Приложенія:

№ 1. Анатомія и исторія развитія Rhogonia. Разсужденіе А. Ковалевскаго. (Съ 2 таблицами).	1— 41
№ 2. Свѣдѣнія и замѣтки о неизвѣстныхъ и малозвѣстныхъ памятникахъ. XXXI—XL. Акад. И. И. Срезневскаго.	1— ⁸⁰ 100
№ 3. Склоненіе основъ на «У» въ славянскихъ языкахъ. Соч. Члена-Корреспондента А. Шлейхера.	1— 19
№ 4. Критическія замѣчанія на изданіе проф. Юльга: «Die Märchen des Siddhi-Kûng». Статья професс. К. Голстун- скаго.	1— 48
№ 5. Изслѣдованія объ историческихъ памятникахъ и быто- писателяхъ Дубровника, В. Макушева.	1— 446

Алфавитный указатель предметовъ, содержащихся въ XI-омъ томѣ Записокъ Академіи.	241—252
--	---------

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

ИЗВѢСТІЕ О МОЛОДЫХЪ ЛЮДЯХЪ, ПОСЛАННЫХЪ БОРИСОМЪ ГОДУНОВЫМЪ ДЛЯ ОБУЧЕНІЯ НАУКАМЪ ВЪ АНГЛІЮ ВЪ 1602 ГОДУ.

Акад. П. Пекарекаго.

Въ библиотекѣ Императорскаго Археологическаго Общества хранится рукопись *), на первомъ листѣ которой написано такое за-

*) Въ 4^о, на 190 листахъ; доставлена въ Общество въ 1865 г. изъ Вологды, см. Извѣстія Арх. Общ. т. VI, вып. 2, стр. 41.

главіе: «Посланіе царя государя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи ко англійскому королю посла своего, жалобу свою объявляя на польскаго короля и на свитцкихъ (т. е. шведскихъ) нѣмецъ, понеже преступя крестное цѣлованіе, измѣнили и многокровопролитіе учинили російскому государству». Рукопись содержитъ въ себѣ посольскій наказъ дворянину и намѣстнику Шацкому Алексію Ивановичу Зюзину и дьяку Алексію Витовтову, которымъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ 30 іюня 7121 (1613) г., стало быть четыре мѣсяца съ нѣсколькими днями послѣ своего вступленія на престолъ, велѣлъ «для своего государева и земскаго дѣла идти къ аглійскому Якубу королю въ послѣхъ».

Извѣстно, что въ старинныхъ посольскихъ наказахъ подробно излагалось все то, что должны не только дѣлать, но и говорить послы во время исполненія ими дипломатическихъ порученій за границею. Смуты въ Россіи отъ самозванцевъ и вооруженное вмѣшательство при этомъ сосѣдей нашихъ—поляковъ и шведовъ—вотъ предметы, о которыхъ болѣе всего говорилось въ наказѣ Зюзину и Витовтову: они обязаны были извѣстить англійскаго короля Іакова о возшествіи на престолъ Михаила Ѳеодоровича и просить у него во первыхъ помощи людьми или деньгами противъ польскаго короля, а во вторыхъ посредничества къ заключенію прочнаго мира съ шведскимъ королемъ Густавомъ Адольфомъ. При этомъ случаѣ нашимъ посламъ вмѣнялось въ обязанность рассказать и объяснить всѣ «великія неправды» поляковъ и шведовъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, въ какихъ излагалось это въ посольскомъ наказѣ, данномъ въ іюлѣ того же 1613 года нашему послу къ цесарю Степану Ушакову и дьяку Семому Заборовскому. Послѣдній наказъ напечатанъ въ «Памятникахъ дипломатическихъ сношеній съ римскою имперіею» II, стр. 921 и слѣд. Грамота, отправленная къ англійскому королю съ Зюзинымъ и Витовтовымъ мало имѣетъ отнѣны отъ той, которую послалъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ 1615 г. съ дворяниномъ Иваномъ Гавриловичемъ Кондыревымъ и подъячимъ Михаиломъ Невѣровымъ къ французскому королю Людовику XIII. Такъ какъ эта послѣдняя также напечатана *), то за тѣмъ не на-

*) Въ первый разъ она издана въ 1717 г. при книгѣ Петра Шафрова «Разсужденіе, какія законныя причины его царское величество Петръ Первый . . . къ начатію войны противъ короля Карла 12 . . . имѣлъ» . . . Потомъ она была перепечатана во II-мъ томѣ «Царствованія Михаила Ѳеодоровича» Берха, ч. II стр. 116—159. Въ печатномъ текстѣ, впрочемъ, попадаются промахи въ родѣ того, что князь Григорій Волконскій названъ княземъ Григорьемъ Донскимъ и пр.

стоитъ особенной надобности повторять большую часть посольскаго наказа Зюзину и Витовтову, и я ограничусь въ настоящемъ случаѣ указаніемъ подробности изъ этого памятника, которая можетъ быть не бесполезна для исторіи той эпохи.

Извѣстно что Борисъ Годуновъ отправилъ въ чужія земли для обученія языкамъ и наукамъ нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ русскихъ. Карамзинъ привелъ изъ бумагъ англійскихъ, хранящихся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, отписку воеводѣ къ царю изъ Архангельска отъ 1 августа 1602 года, что 30 іюля этого года отправлены въ Англію «для науки разныхъ языковъ и грамотъ»: Никифоръ Олферьевъ сынъ Григорьевъ, Софонъ Михайловъ сынъ Кожуховъ, Казаринъ Давыдовъ и Оедька Костомаровъ *). Въ «Московской Лѣтописи» Мартина Бера упомянуто, что молодые дворяне, посланные въ чужіе края Борисомъ Годуновымъ, хотя скоро выучились иностраннымъ языкамъ, однако не хотѣли возвратиться потомъ въ Россію **). Въ выпискѣ изъ статейной книги англійскаго двора 1621 года значитъ, что тогда царю Михаилу Оедоровичу было «подлинно вѣдомо, что тѣ дѣти боярскіе (Никифоръ Олферьевъ сынъ Григорьевъ да Софонко Кожуховъ съ товарищи четыре человекъ) въ англійской землѣ задержаны неволею, а Никифорко Олферьевъ и вѣры нашей православныя отступилъ и несвѣдомо по какой прелести въ попы сталъ, или буде надъ нимъ учинили то неволею» Дворянинъ Вольтинскій да дядя Марко Поздѣвъ, посланные въ Англію, просили о выдачѣ тѣхъ молодыхъ людей, но безуспѣшно ***). Нынѣ изъ помянутаго наказа видно, что Зюзину и Витовтову также поручено было настаивать, путемъ дипломатическихъ переговоровъ, о возвращеніи въ Россію *нѣтъ* русскихъ; при чемъ давались слѣдующія подробныя наставленія:

«Да память Алексѣю Ивановичу и дьяку Алексѣю: въ прошломъ 111-мъ году, при царѣ и великомъ князѣ Борисѣ Оедоровичѣ всеа Русіи посланы изъ московскаго государства въ аглинскую землю для науки латынскому и аглинскому и иныхъ розныхъ нѣмецкихъ государствъ языковъ и грамотѣ — Гриша (sic) Олферьевъ сынъ Григорьевъ съ товарищи пять человекъ.

*) Исторія госуд. росс., изд. Эйнерлинга, 126 примѣч. къ Т. XI, на стр. 80.

***) Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, изд. г. Устрялова, Спб. 1831 г., I, 18.

****) «Царствованіе царя Михаила Оедоровича» В. Берха, часть II, стр. 228.

И Алексѣю Ивановичу и дьяку Алексѣю говорити королевскимъ ближнимъ людямъ: въ прошломъ во 111-й годъ, блаженные памяти при царѣ и великомъ князѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ всеа Русіа самодержцѣ, при великой государынѣ вашей славныя памяти при Елисаветѣ королевнѣ, посланы въ аглинское государство великаго государя нашего подданные на время для науки латынскому и аглинскому и нѣмецкимъ языкомъ и грамотѣ учитца Гришка Олферьевъ сынъ Григорьевъ да Ѳетька Семеновъ съ товарищи пять человекъ. И тѣ царского величества подданные, будучи въ наукѣ, тому всему, для чего посланы, и изучены. И нынѣ они царского величества къ посольскому дѣлу надобны. А позадавшили они въ аглинскомъ государствѣ по тому, что въ московскомъ государствѣ по грѣхомъ отъ злыхъ людей была смута и нестроенье; а нынѣ, по милости божей, и великаго государя нашего царского величества доброоопаснымъ, премудрымъ разумомъ и счастьемъ и милостивымъ призрѣньемъ ко всѣмъ его царского величества подданнымъ, московское государство стровтца и вся добрая дѣетца. И они королевского величества думные люди тѣхъ царского величества подданныхъ, которые въ аглинскомъ государствѣ жили для науки, отдалибъ всѣхъ ему, царского величества послу Алексѣю Ивановичу да дьяку Алексѣю Витовтову, а они ихъ возмутъ съ собою и поставятъ предъ царскимъ величествомъ. Да какъ королевскіе думные люди Гришу Олферьева съ товарищи имъ дадутъ, и Алексѣю Ивановичу и дьяку Алексѣю взять ихъ къ себѣ и велѣти имъ у себя быти и взяти ихъ съ собою къ государю къ Москвѣ.

А будетъ королевскіе думные люди тѣхъ государевыхъ людей Гриши Олферьева съ товарищи отдати не похотятъ и скажутъ про котораго, что умеръ или самъ своею охотою поѣхалъ куды для науки зъ гостями въ которыя дальняя государства, и того имъ невѣдомо, если онъ живъ или нѣтъ, а хотя и живъ и его ждати долго.

И Алексѣю Ивановичу и дьяку Алексѣю говорити: чтобъ они дали имъ тѣхъ, которые нынѣ здѣсь въ аглинской землѣ. А будетъ которово судомъ божимъ не стало—и въ томъ воля божья; а которые въ отъѣздѣ въ дальнемъ государствѣ, и имъ для царскаго величества промышляти о томъ: въ то государство, гдѣ которой посланъ, отписати, чтобъ его отголѣ вскорѣ взяти, и всѣхъ ихъ, сыскавъ которые живы, имъ отдати. А царскому величеству тѣхъ подданныхъ отцы и матери безъ престани съ великою доукою объ нихъ бьютъ челомъ, чтобъ царское величество ихъ пожаловалъ

велѣлъ ихъ изъ аглинскія земли взяти къ Москвѣ, чтобъ они, будучи долгое время въ чужихъ государствахъ вѣры крестьянскія греческаго закона не отбыли и съ ними ся не разлучили. И царскаго величества имъ объ нихъ приказъ имянной, что велѣно имъ взяти и привести къ Москвѣ. И мы вамъ о тѣхъ царского величества подданныхъ говоримъ по приказу государя своего, и вамъ бы, ихъ однолично сыскавъ, всѣхъ намъ отдать.

И будетъ королевскіе думные люди учнутъ говорити, что они тѣхъ царского величества подданныхъ безъ королевскаго вѣдома отдать не смѣютъ, потому что они здѣсь за давнѣли, и они и сами отсюды ни которой не хочеть въ московское государство, потому что извыкли всякимъ обычаемъ здѣшнимъ; а иной изъ нихъ служить при королевскомъ дворѣ или у котораго великаго человѣка. И коли они сами не хотять, и ихъ какъ неволить и въ неволю отдавати? А хотя ихъ нынѣ въ неволю отдать, а впередъ ихъ не удержати. И Алексѣю Ивановичу и дьяку Алексѣю говоряти думные люди: тѣ царского величества подданные природные московскаго государства, а не иноземцы и вѣры крестьянскія греческаго закону; и отцы, и матери и братья у всѣхъ живы; а при царѣ Борисѣ посланы они для науки, а даны были всѣ на руки государя нашего аглинскому имянному гостю Ивану Ульянову *). А какъ и почла быти прежнимъ великимъ государемъ нашимъ славныя памяти зѣ государынею съ Елисаветъ королевою и съ нынѣшнимъ государемъ вашимъ братственной любовью и крѣпкая дружба и соединенье, и съ тѣхъ мѣсть и по ся мѣсть съ аглинскими гостями малые робята для науки русскому языку и грамотѣ бывали и задержанья имъ и причины объ нихъ никакія не было: живутъ въ наукѣ лѣтъ по шти и по десяти и приѣзжаютъ и отъѣзжаютъ по волѣ. А королевское величество государя нашего подданныхъ держати не похочеть, чаю у королевскаго величества и природныхъ его подданныхъ, которые русской грамотѣ и языку многіе умѣютъ. А что они говорятъ, будто тѣ робята въ московское государство отъ нихъ изъ аглинскія земли не хотять, и тому нечему вѣрить, да и нестачное то дѣло, какъ имъ православныя крестьянскія вѣры греческаго закона отбыти и природново государства и государя своего, и от-

*) Иваномъ Ульяновымъ въ официальныхъ бумагахъ того времени называли у насъ Джона Мерика, по всей вѣроятности, члена англійской факторіи въ Москвѣ. Онъ извѣстенъ письмомъ, въ которомъ описаны кончина царя Федора Ивановича и возшествіе на престолъ Бориса Годунова. См. Kritisch-literarische Übersicht der Reisenden in Russland von Fr. Adelung, I, 477.

цовъ своихъ и матерей, и роду своего и племени забыти—о томъ имъ, разумнымъ людямъ и честнымъ, говорити не пригоже. И говорити Алексѣю Ивановичу и дьяку Алексѣю о тѣхъ государевыхъ людѣхъ всякими мѣрами на-крѣпко, чтобъ ихъ всѣхъ которые малыми . . . притча . . . не была . . . или въ отъѣздѣ. Да дьяку Алексѣю про нихъ, толмачей, и . . . отъ тово кому что и да . . . вѣдать таки . . . *) которой умеръ и сколь давно и о кою пору и гдѣ положили. Или которой въ отъѣздѣ, въ которое государство и съ кѣмъ и сколь давно и для чего поѣхалъ, и есть ли про него слухъ, что онъ живъ, и какъ чаяти будетъ и на время ль туды поѣхалъ или на житье? И нѣтъ-ли изъ нихъ кого при королевскомъ дворѣ или у кого у великаго человѣка. А провѣдавъ про то подлинно, по тому объ нихъ зъ думными людьми и говорити . . . Государевыхъ и учнуть манить . . . съѣхались изъ аглин . . . подданнымъ государствамъ . . . а они про нихъ не вѣда . . . въ аглинской землѣ . . . **). И Алексѣю Ивановичу и дьяку Алексѣю о тѣхъ государевыхъ . . . королю самому какъ велить быти посольству . . . однолично имъ о тѣхъ государевыхъ людѣхъ королю и его ближнимъ людямъ говорити. А и Ивану Ульянову говорити, чтобъ онъ тѣмъ промышлялъ для себя, потому что даны были для науки ему на руки, чтобъ однолично тѣхъ, которые живы здѣсь, тѣхъ бы имъ отдали, а которые въ отъѣздѣ, то тѣхъ бы послали или отписали, чтобъ ѣхали въ Лундунъ.

*) Противъ этихъ словъ въ рукописи на полѣ замѣчено: «несправливо на сей строкѣ, потому что въ подлинныхъ мѣстѣхъ край выдраны въ списку въ наказу.»

**) Противъ этихъ словъ на полѣ отмѣчено: «не справливо потому жъ, что въ списку съ наказу выдрано въ тетрадѣхъ.»

О ДРЕВНОСТЯХЪ, НАЙДЕННЫХЪ НА ОСТРОВЪ ОИРАСИИ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ДВУХЪ ПИСЕМЪ ДОКТОРА ЧИГАЛЛА.

(Читано 24 января и 14 февраля 1867 г.)

Поверхность острова Оиры (нынѣ островъ Санторинъ) и Ои-расіи (островка къ сѣверу отъ Оиры) покрыта различными слоями земли вулканическаго происхожденія. Верхній слой состоитъ преимущественно изъ бѣлой земли или бѣлаго пепла (*piregina blanca*, по-новогречески *άσπα*), мѣстами въ нѣсколько метровъ толщиною. Эта земля въ приморскихъ мѣстахъ употребляется какъ смазка при строеніи. Работники г. Алафузоса нашли на южномъ берегу острова Оирасіи, въ глубинѣ 16—25 метровъ, остатки древней постройки, четырехугольной, почти квадратной формы, въ 3 метра длиною, сложенной изъ неотесанныхъ вулканическихъ камней. Судя по виду этой постройки и по найденнымъ въ ней предметамъ, г. Чигалла, бывшій самъ на мѣстѣ находки, полагаетъ, что это—гробница. Здѣсь найдены: глиняный сосудъ съ черноватою пылью—можетъ быть—пепломъ покойника, черепки другихъ глиняныхъ сосудовъ и куски сгнившаго или обугли-вагося дерева. Въ послѣдствіи были открыты на той же глубинѣ еще три подобныя сооруженія, изъ чего г. Чигалла заключаетъ, что тутъ находилось кладбище. Дальнѣйшія раскопки удостовѣрили однако, что это—остатки домовъ, такъ какъ въ нихъ можно было различить стѣны и двери, и были найдены обуглившійся ячмень, зерна гранатныхъ яблоковъ, крашеные и некрашеные глиняные сосуды, изъ коихъ нѣкоторые были опрокинуты и из-

юманы. Затѣмъ было открыто выложенное камнемъ углубленіе, похожее на наши колодца, или на ямы, въ которыхъ крестьяне сберегаютъ овощи. Изъ этого углубленія было вынуто порядочное количество пемзы, разбитыхъ глиняныхъ сосудовъ и т. п. Въ нѣкоторыхъ сосудахъ еще сохранились разныя вещества, вѣроятно остатки съѣстныхъ припасовъ (между прочимъ остатки сыра), которые однако уже не имѣли ни запаха, ни вкуса. Вотъ самое существенное изъ всего того, что было вырыто здѣсь 13-ю работниками, послѣ трехдневнаго труда.

Г. Чигалиа не сомнѣвается, что отрытыя строенія существовали еще до изверженія обрушившагося вулкана острова Оиры и полагаетъ, что они принадлежатъ, по крайней мѣрѣ, къ временамъ Авраама, и во всякомъ же случаѣ могутъ считаться древнѣйшими доселѣ сохранившимися памятниками. Бѣльшее изъ этихъ строеній лежитъ въ 24-хъ метрахъ къ западу отъ меньшаго и раздѣляется на пять небольшихъ покоевъ. Способъ ихъ постройки отличается отъ того, который видимъ въ греческихъ домахъ на островѣ Оирасіи. Соединяющая камни смазка не содержитъ въ себѣ известки, а состоитъ изъ глинистой земли, перемѣшанной съ разными растительными веществами. Въ составъ стѣнъ входятъ не одни нетесанные камни, но также и дерево. Равнымъ образомъ кровли были сдѣланы изъ дерева и покрыты тонкимъ слоемъ глины. Нигдѣ не найдено слѣдовъ гвоздей, да и вообще ни малѣйшаго признака металловъ; напротивъ того, вырыты два кремневыя орудія—одно въ видѣ копья, а другое въ родѣ пилы или зубчатаго ножа. Далѣе отрыты три гири, шарообразной формы, изъ вулканическаго камня; двѣ изъ нихъ были вѣсомъ въ 165 драхмъ каждая, а третья въ 22 драхмы. Вырыто также кольцо изъ вулканическаго камня, съ сгѣдами веревки, на которой оно, вѣроятно, висѣло. Кромѣ того найдены камень, въ видѣ сошника, значительное количество полуобдѣланныхъ камней, два сосуда изъ вулканическаго камня, изъ которыхъ меньшій круглый, а большій эллиптической, и наконецъ нѣсколько жернововъ эллиптической формы. Глиняные сосуды, вслѣдствіе давленія и

особенно сырости, которымъ они столь долго подвергались, были до того дряблы, что распадались на мелкіе куски при малѣйшемъ къ нимъ прикосновеніи. Многіе сосуды были наполнены различными растительными веществами болѣе или менѣе обуглившимися; однако можно было различить разнаго рода σμύδος (изъ пшеницы и ячменя), бѣлый горохъ, анисъ, кишинець (Coriandrum), кунжутъ (Sesamum), просо, сыръ; но и эти вещества, за исключеніемъ сыра, при малѣйшемъ давленіи превращались въ черную пыль. На полу средняго домика лежали остатки скелета четвероногаго животнаго, вѣроятно большой собаки, а въ большемъ домѣ—остатки человѣческаго остава, отъ черепа котораго сохранилась только нижняя челюсть, но и та искаженная; сверхъ того найдены разныя обломанныя и обгорѣлыя кости. По сохранившимся костямъ можно было судить, что онѣ принадлежали мужчинѣ средняго роста, лѣтъ около 40 или 45. Два коренныхъ зуба лѣвой стороны были пусты и полости ихъ такъ искусно запломбированы, что и современный дантистъ едва ли бы могъ сдѣлать это лучше.

При первомъ изъ своихъ писемъ г. Чигалла доставилъ въ Академію: А) слѣпокъ съ могильнаго камня, открытаго въ Оирасіи лѣтъ 25 тому назадъ. Письмена на немъ, какъ полагають, карійскіе; но ихъ трудно разобрать. В) Нѣкоторые изъ предметовъ, найденныхъ при нынѣшнихъ раскопкахъ на этомъ островѣ, а именно: 1) черепки глиняныхъ сосудовъ, 2) обломки обугливагося дерева, 3 и 4) кости четвероногаго животнаго, 5) σμύδος (пшеница и ячмень), 6) просо, 7) ячмень, 8) бѣлый горохъ, 9) какое то мучнистое вещество, 10) пепель покойника, 11) вулканическій шаръ, 12) четыре вулканическихъ камня, и 13) наконецъ планъ мѣстности, гдѣ происходили раскопки.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

АНГЛІЙСКІЕ ОЧЕРКИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ послѣднихъ номерахъ извѣстнаго Англійскаго журнала *The Reader* (Читатель) появились одна за другою три статьи подъ общимъ заглавіемъ *Studies in modern Russian literature*, Очерки новой русской литературы.

Такое явленіе, какъ обзоръ русской литературы на иностранномъ языкѣ, не можетъ не интересовать насъ, Русскихъ. Насъ и нашу внутреннюю жизнь вообще такъ мало знаютъ и такъ превратно понимаютъ иностранцы, что всякая попытка дать имъ новыя вѣрныя свѣденія объ Россіи должна быть пріятна нашему самолюбію. Особенно же пріятно, если эти новыя и болѣе вѣрныя свѣдѣнія сообщаются имъ иностранцами же: это значитъ, что есть люди, изучающіе нашу родину, а во вторыхъ видящіе ложность всеобщаго понятія объ ней и признающіе необходимость его испра-

вить. Впрочемъ при этомъ случаѣ невольно рождается вопросъ: да знаетъ ли самъ Россію тотъ, кто берется за это дѣло? Понимаетъ ли онъ, любитъ ли ее? потому что по мнѣнію одного современнаго англійскаго писателя *), только тогда можно совершенно понять и проникнуть предметъ, когда смотришь на него съ сочувствіемъ. Этотъ вопросъ естественно предлагаемъ мы себѣ и глядя на статьи, напечатанныя въ «The Reader». Сколько изъ нихъ видно, ихъ авторъ соединяетъ въ себѣ то, что необходимо для всякаго, занимающагося чѣмъ бы то ни было: въ немъ есть любовь къ дѣлу, знанія и здравый беспристрастный взглядъ. Правда, что знанія его по Русской исторіи и литературѣ не такія, какія мы потребовали бы отъ одинаково образованнаго Русскаго; въ слѣдствіе этого и сужденія его иногда не совсѣмъ справедливы, какъ мы увидимъ изъ разбора его статьи о Ломоносовѣ; но все таки и то, что есть, уже много. Притомъ же авторъ такъ хорошо знаетъ русскій языкъ, не только современный, но и языкъ прошедшаго столѣтія (что показываютъ его переводы отрывковъ изъ Ломоносова и Кантемира), что ему ничего не будетъ стоить приобрѣсть то, чего ему не достаетъ; а намъ можно будетъ порадоваться, что соотечественники его познакомятся съ тѣмъ, чѣмъ мы по справедливости гордимся, и узнаютъ имена Ломоносова, Карамзина, Пушкина и т. д.

Какъ видно изъ выноски подъ одною изъ статей, эти три очерка не останутся одинокими. Два Англичанина согласились написать сообща краткій, но по возможности полный курсъ русской литературы. Одинъ изъ нихъ, Г. Мерилизъ, взялъ на себя періодъ до-ломоносовскій и также всѣ переводы въ стихахъ. Другой, имя котораго не подписано, взялся за новый періодъ. Ему то принадлежатъ и вышеупомянутыя статьи, которыя составляютъ начало его труда. Въ первой статьѣ онъ говоритъ о Ломоносовѣ, во второй о Кантемирѣ, въ третьей объ Екатеринѣ II. Хотя по заглавіямъ онѣ могутъ казаться отдѣльными очерками, однако онѣ тѣсно соединены между собою и каждая служитъ продолженіемъ предыдущей.

Въ началѣ, въ видѣ вступленія, авторъ обрисовываетъ нѣсколькими словами состояніе общества XVII столѣтія въ Россіи, реформы Петра Великаго, двоякое дѣйствіе, произведенное ими, и даетъ общее понятіе о направленіи литературы того времени.

«Тѣ писатели, говоритъ онъ, которые воспитались подъ вліяніемъ европейской мысли, естественно заимствовали и слогъ и со-

*) Карлейль.

держаніе изъ иностранныхъ источниковъ и усвоили себѣ риторическую форму, употреблявшуюся тогда во Франціи. Кромѣ языка, которымъ написаны ихъ произведенія, въ нихъ нѣтъ почти ничего русскаго. Совершенно противоположное видимъ мы въ другой школѣ писателей. Эти, досадуя на препятствія, которыя развитіе народа находило въ партіи приверженцевъ старины, изливали свое неудовольствіе въ сатирахъ и находили для того богатый матерьялъ въ описаніи русской жизни. Всѣ писатели того времени принадлежатъ или къ той или къ другой изъ этихъ двухъ школъ. Первая была основана Ломоносовымъ, вторая Кантемиромъ.

Чтобы рѣзче выяснитъ разницу между этими двумя направленіями, авторъ сравниваетъ ихъ двухъ представителей.

«Ломоносовъ, крестьянинъ по происхожденію и раскольникъ (?) по религіи, никогда не могъ освободиться отъ предразсудковъ своего сословія и своего вѣка. Его поэзія, ученая какъ его занятія, есть совершенное подражаніе лжеклассической французской поэзіи и болѣе замѣчательна по своей риторической формѣ, чѣмъ по естественности и правдѣ. Кантемиръ, напротивъ того, былъ сохраненъ своимъ иностраннымъ происхожденіемъ и своими аристократическими связями отъ тѣхъ вліяній, которыя сковывали и задерживали его современника. Самъ живя по среди той высшей образованности, о которой Ломоносовъ зналъ по большей части только изъ книгъ, онъ естественно получилъ непримиримую ненависть къ неразвитости, порочности и жестокости, которыя господствовали во всей Имперіи, и неменѣе естественно сталъ выражать свое презрѣніе сатирою. Въ сочиненіяхъ Ломоносова мы видимъ стремленіе къ знанію и къ учености; въ произведеніяхъ Кантемира—презрѣніе къ невѣжеству и нравственной испорченности. Одинъ нападаетъ на то, что ниже его, другой восхваляетъ то, что выше его и принимаетъ за образецъ лучшую литературную форму, какая была ему извѣстна».

Судя по этимъ словамъ авторъ Очерковъ считаетъ Ломоносова не болѣе какъ ученикомъ, даровитымъ правда, трудолюбивымъ, стремящимся къ знанію, но все таки не самостоятельнымъ, находящимся подъ чужимъ вліяніемъ; старающимся сравняться съ своими учителями и пробуящимъ подражать имъ; между тѣмъ какъ Кантемиръ представляется ему человѣкомъ, который своимъ умомъ и образованіемъ поднялся высоко надъ общимъ уровнемъ, стоитъ независимо и свободно, и презрительнымъ взглядомъ окидываетъ то, что осталось подъ его ногами. Едва ли кто нибудь изъ читав-

шихъ и изучавшихъ Ломоносова можетъ согласиться съ этимъ сужденіемъ. Однако посмотримъ дальше.

При обзорѣ одъ Ломоносова, которыя авторъ считаетъ написанными механически и безъ всякаго чувства, онъ останавливается на одѣ на взятіе Хитина, на посланіи о пользѣ стекла и болѣе всего на одѣ на восшествіе на престолъ Екатерины II, изъ которой онъ даже приводитъ отрывокъ. Къ сожалѣнію, ни одного слова не сказано имъ о знаменитыхъ утреннемъ и вечернемъ размышленіяхъ, ни объ одѣ въ подражаніе Юву. Жалко, что онъ ихъ не замѣтилъ, вѣрно не нашелъ бы ихъ написанными механическими и безъ всякаго чувства; тогда понятіе его о Ломоносовѣ—поэтѣ было бы полнѣе и отзывъ справедливѣе. Даже, можетъ быть, лучше было бы и для автора и для его читателей, если бы онъ вовсе не упоминалъ о трагедіяхъ и эпической поэмѣ Ломоносова, которымъ онъ также посвящаетъ нѣсколько строкъ, а побольше остановился на его лирическихъ произведеніяхъ: для того, кому нѣтъ возможности знать все, лучше знать лучшее чѣмъ худшее.

Говоря объ ученыхъ сочиненіяхъ Ломоносова, авторъ останавливается на его статьѣ о землѣ и ея происхожденіи. Это произведеніе, говоритъ онъ, замѣчательно, если не изложеніемъ какихъ нибудь новыхъ истинъ, то открытой и безстрашной защитой важности науки. Здѣсь Ломоносовъ смѣло возстаетъ противъ невѣждъ, которые боялись разоблаченія ихъ суевѣрныхъ понятій, и противъ богослововъ, которые считали новѣйшія открытія астрономіи вредными для религіи. Приведя небольшой отрывокъ изъ этого сочиненія, авторъ заканчиваетъ свою статью слѣдующими словами: «Вліяніе Ломоносова какъ поэта на русскую литературу было велико; но можетъ быть самое большое значеніе имѣлъ онъ какъ ученый. Мы не признаемъ въ немъ, какъ его современники, «орла, парящаго въ облакахъ»; но заслугу его въ отношеніи къ языку трудно преувеличить. Многое, что въ русскомъ языкѣ было шероховатаго и грубаго, исчезло при Ломоносовѣ. Небывалая до тѣхъ поръ легкость и обработанность явилась въ стихѣ.

Кантемиру посвящаетъ авторъ вторую статью своихъ Очерковъ. Онъ подробно разсматриваетъ всѣ его девять сатиръ и почти изъ каждой приводитъ отрывки въ прекрасномъ переводѣ на англійскій языкъ. По всему видно, что онъ не по наслышкѣ знаетъ этого писателя и не кое-какъ, а самъ внимательно и съ любовью читалъ и изучалъ его. Но при сравненіи этихъ двухъ отзывовъ его: о Ломоносовѣ и о Кантемирѣ невольно приходитъ на мысль слѣ-

дующее: какъ это, объ однѣхъ девяти сатирахъ Кантемира сказано больше, чѣмъ о всей обширной и многосторонней дѣятельности Ломоносова? Отъ чего такъ подробно разбирается каждое стихотвореніе Кантемира, между тѣмъ какъ произведенія Ломоносова очерчены только вскользь? Неужели въ этихъ девяти сатирахъ, разборомъ которыхъ наполнена вся вторая статья, авторъ нашелъ больше поэтическихъ красотъ? Неужели въ нихъ — почти единственномъ выраженіи мысли и дѣятельности Кантемира, — видитъ онъ больше значенія и для современной и для послѣдующей литературы, чѣмъ въ трудахъ Ломоносова? Сужденіе свое онъ основываетъ на мысли прекрасной, на требованіи справедливомъ — онъ прежде всего ищетъ у писателя національности; но почему же находитъ онъ больше національности у Кантемира чѣмъ у Ломоносова? Вотъ, что онъ говоритъ объ этомъ: «Истинная заслуга этихъ сатиръ состоитъ въ ихъ историческомъ значеніи. Онѣ совершенно народны и представляютъ картину русскихъ нравовъ, современныхъ ихъ написанію. Въ формѣ Кантемиръ часто подражаетъ Горацию и Буало, которыхъ въ одномъ мѣстѣ называетъ своими учителями. Но, какъ было замѣчено выше, подъ этой формой есть что то совершенно русское. Между тѣмъ какъ сочиненія Ломоносова и по содержанію, и по слогу принадлежатъ къ произведеніямъ классицизма, въ стихотвореніяхъ Кантемира есть оригинальность мысли, соединенная съ неменѣе строгимъ исполненіемъ правилъ классической школы. Въ этой-то оригинальности и состоитъ ихъ истинно значеніе.»

Мнѣ кажется, что этотъ странный выводъ нельзя объяснить ни пристрастіемъ: съ какой стати быть пристрастнымъ чловѣку чужому? ни ошибкою, — потому что нельзя ошибиться въ характерѣ и значеніи Ломоносова тому, кто его хорошо знаетъ; а развѣ только однимъ, тѣмъ, что авторъ недостаточно изучилъ перваго русскаго писателя, въ полномъ значеніи этого слова. Кантемира онъ читалъ много и внимательно, изъ Ломоносова же вѣрно зналъ только то, что помѣщается въ обыкновенныхъ хрестоматіяхъ. Отъ неравномѣрнаго знанія вышло и неравно справедливое сужденіе. Иначе можно ли было бы сказать, что въ сочиненіяхъ Ломоносова только и есть русскаго, что языкъ? Неужели больше патріотизма, больше живой, дѣятельной любви къ своему народу въ сатирѣ «Къ уму своему», чѣмъ въ «Разсужденіи о размноженіи и сохраненіи російскаго народа», или въ «Письмахъ объ устройствѣ университета» и т. д. и т. д.

Третья статья посвящена трудам императрицы Екатерины II. Какъ кажется, это наиболѣе удавшаяся изъ трехъ статей: въ ней, правда не пространно, но ясно и довольно полно представлена вся дѣятельность Императрицы: съ начала—ея законодательные труды, потомъ педагогическіе и наконецъ литературные. На послѣднихъ, какъ ближе всего касающихся его цѣли, авторъ останавливается болѣе всего, и даже разбираетъ двѣ комедіи: «О времяя» и «Именины г-жи Ворчалкиной». При разборѣ приложенъ и переводъ одной сцены изъ «Именинъ г-жи Ворчалкиной» *). Русскія имена, характеризующія каждое лице, по обычаю писателей того времени, авторъ искусно замѣнилъ однозначущими англійскими. Напр. г-жа Ворчалкина названа Mrs. Grumble, Вѣстникова—Mrs Prattle, Ханжихина—Mrs. Devout.

Слѣдующая статья, какъ видно изъ одной выноски, будетъ о Сумароковѣ. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать продолженія этого полезнаго труда и будемъ надѣяться, что авторъ пойдетъ тѣмъ же путемъ, какъ и до сихъ поръ; т. е. что продолженіе будетъ на столько же лучше начала, на сколько третья статья лучше второй, а вторая лучше первой.

*) Кстати здѣсь можно похвалить вообще всѣ переводы, помѣщенные въ Очеркѣ. Они и совершенно вѣрны подлиннику, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ всю оригинальность подлиннаго произведенія. Для примѣра привожу слѣдующій отрывокъ изъ сатиры Кантемира «Къ уму своему»:

You are a judge? Put on your wig and bands;
Frown all away who come with empty hands;
Tears of the poor let your firm heart ignore;
Whilst the clerk reads the count, serenely snore.
Should one remind you of some awkward clause
In civil, statute or in common laws,
Spit in his face, tell him he lies by th' score.

(Хочешь ли судьбою стать? Вздѣнь парикъ съ узлами,
Брани того, кто проситъ съ пустыми руками,
Твердо сердце бѣдныхъ пусть слезы презираетъ;
Спи на стулѣ, когда дьякъ выписку читаетъ.
Еслижъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы,
Иль естественный законъ, иль народны права,
Плюнь ему въ рожу, скажи что вретъ околесну).

